

живает любовь автора к Одессе, тонкое знание психологии героев, чьи судьбы прослежены не только в настоящем времени, но и в прошедшем — в дни оккупации Одессы.

Те, кто прочтет этот роман, кто ощутит кожей, каково было еврейской семье прятаться и перепрыгиваться в русских семьях Слободки, превращенной фашистами в гетто, думаю, уже не зададутся вопросом, где лучше жилось в годы оккупации — в немецком Львове или в румынской Одессе. И не только евреям, а всем, у кого не уснула совесть.

Как нечеловечески страшна картина исхода людей с насиженных мест — в гетто. Это босховские видения, вдруг ожившие в двадцатом веке. И это не сон, не вымысел, а жуткая быль о времени, которое перед людьми всех национальностей поставило вопрос — с кем они, с нечистью? Или — вопреки биологическому закону о сохранении собственной жизни, противопоставили злу веру в добро, человеколюбие.

Книга Инны Штейн, как и многие другие книги сейчас, издана маленьким тиражом. Но мне хотелось бы, чтобы ее прочитало как можно больше одесситов. И потому, что эта книга талантливой писательницы, с любовью рассказывающей о нашем городе, и потому, что она, как говорили в старину, лечит нравы.

И Дон Жуан, и Сирано...

Александр КРАСНОПОЛЬСКИЙ
Новые витражи
Одесса, ВМВ, 2008

Больше шестидесяти новых стихотворений отделяют вторую книгу Александра Краснополюского от нынешней, третьей.

Хожу и, улыбаясь, повторяю его строки из второй книги:

"Отныне стал в одном лице я
И Дон Жуан, и Сирано..."

Очень искренне. Как и все в этой книге. Но я — будь мне позволено — добавил бы: и Дон Кихот, и Гамлет, и д'Артаньян... И дело не в том, что артисту легко надевать на себя любые маски, думаю, главное то, что человек культуры остается носителем ее вековых символов в любом виде твор-

чества. А стихи — это один из общечеловеческих языков, на котором так свободно и мудро размышляет и Александр Краснополянский, и его герои.

А думать, мыслить, слава Богу, есть о чем. И автор искренне признается: "Бессмысленность рождает скуку, безвыходность рождает грусть...". Поняв это, он находит возможность иронией, смехом защитить себя и своих близких и от бессмысленности, и от безвыходности.

И тут, как точка опоры для Архимеда, возникает слово, которое и дает удержаться боли и радости на плаву. Это слово *Одесса*. Не та, что в Техасе, не та, что в Канаде, а прародительница всех Одесс — город на Черном море. И теперь стихи уже могут быть о Нью-Йорке, о Манхэттене, — в них есть одесская закваска, верность юности, нежность юности.

Я не случайно употребил это слово: *нежность*. Каким бы мужественным, плейбойным ни хотел казаться автор и его лирический герой — нежность, голубятни Молдаванки, юношеская любовь — это с ним навсегда. Было. Есть. И останется.

О художнике найдены очень точные слова: "Мыслит цветом и чувствует светом".

А разве ироничнее скажешь об эротике: "У нее был знатный род (рот), У него наоборот!"?

И вот это умение быть саркастичным, но и изящным, брутальным, но и сердечным, — выделяет эти стихи из очень многих других, написанных в нашем XXI веке.

И Дон Кихот, и Дон Жуан... Это не его роли, это его характер. И обязан он многогранности своего дарования, своей музы, и Одессе, и народу, который заложил в нем гены жизнестойкости и жизнелюбия, и всему миру, потому что Вселенную он ощущает своей родиной, точнее, родиной своих стихов, своих героев.

Р. С. Почти ничего не изменяя, я перепечатаваю свою статью ко второй книге — в третьей.

Нет, не потому что ничего не изменилось в творческом почерке автора. Осталось все лучшее, что было. Но опыт жизни придал книге большую мудрость, уже нет ностальгических стихов, есть стихи действия — словом можно победить отчаяние, можно приворожить любовь, можно оставить в наследство духовное богатство.

Зрелость человека и зрелость поэзии не мешают автору оставаться романтиком, жизнелюбом, человеком театра, карнавала, маскарада, где все лики, все маски могут прикрыть лицо, но не могут заменить личность.